

ЗАБЫТЫЙ АЛТАРЬ

У забытого алтаря
Чистил крылья устало ангел.
А листва танцевала танго
В сером сумраке октября.

В битве с временем рухнул храм.
Лишь алтарь здесь да купол неба.
И никто много вёсен не был,
Не склонялся к святым камням.

Не плывёт колокольный звон –
Переплавлена медь. Отпела.
Куст калины, к морозу спелой,
Каплет горечью на амвон.

Но алтарь – всё ж алтарь, хоть был
И забыт, и обезображен,
И под небом открытым даже
Он имеет надёжный тыл:

Белый Ангел свои крыла
Распростёр для его охраны.
Пусть кому-то старанья странны,
Раз любовь сожжена дотла.

Верю, храмов забытых нет,
Ангел здесь, значит, вспомнят люди,
И когда-нибудь их разбудит
Вновь заутренний благовест.

БЕЗРАССУДСТВО

Я ведь крылья просила, Ты слышал? Слышал...
Чтоб летать в тишине над бетонным адом,
Чтоб парить на закате всё выше, выше,
И тянуться за солнцем, и быть с ним рядом.

Да, я знала, оно обжигает крылья,
Я предчувствовала – это будет больно.
Но так сильно хотелось взлететь. Так сильно...
Так хотелось почувствовать ветер вольный.

Чтоб вокруг ни границ, ни преград – лишь небо,
Беззакатное небо: летать – как плавать.
Вслед за солнцем нырять, повинуюсь слепо,
И однажды найти колдовскую заводь,

Где душа исцелилась бы и окрепла,
Ну а крылья – для тела родными стали б...
Жаль, от крыльев осталась лишь горстка пепла,
Хоть казались они мне прочнее стали.

Я просила. Ты дал мне, вздохнув устало:
«Не доводит людей до добра упрямство.
Не твои. И родными тебе не станут,
Хоть всю жизнь упирайся в своём фиגлярстве».

Ты всё знал... Только я не хотела слышать.
Заложила за крылья и жизнь, и веру,
Чтоб на миг оказаться сильнее и выше.
И сгореть, высоту безрассудством мера.

ЯД ОСЕНИ

В косую линию дождей мой город зябкий.
Мне божоле в бокал налей под стук морзьянки.
Пусть ты – не тот и я – не та, мы все – другие.
Зияет в окнах пустота. Качнутся гири

Старинных дедовых часов – и дрогнут стены.
Я – от судьбы на волосок, ты – от измены.
Хранитель Времени, постой, не время склянке...
Срок обрываешь ты не той – другой беглянки.

Дай мне ещё – на пару строк, на пару вдохов...
Но город, стылый, как острог, осенне-мохов.
И даже эхо под дождём молчит и мёрзнет –
Нет смысла в крике. Просто ждём в предзимье слёзном.

В косую линию дождей моя тетрадка,
Склонятся буквы меж полей тугим порядком.
А ты с бокалом божоле присядешь рядом.
По остывающей золе дождь брызнет ядом.

ДОРОГИ И КРЕСТЫ

Цветы с крестами по обочинам...
А в небе хмуром – птичьи стаи...
Нам, видно, счастье не пророчено,
Коль вся дорога – под крестами.

Мечты, реальностью распятые,
Эпохой скоростей изранены.
Короткий прочерк между датами
И – плач за сомкнутыми ставнями.

А небо – птицы крестят крыльями
Над перекрестками дорожными.
Вновь рвем моторами стосильными
И души, и сердца безбожно мы.

Потом – цветы, потом – обочины,
Где вперемешку кровь с бензином...
Мечты о будущем – просрочены.
И ангелы по небу – клином.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мне Ваше имя незнакомо...
Да Бог с ним, в имени ли дело...
Я – жёлтый лист, судьбой влекомый,
То – здесь, то – с ветром улетела.

Свиданья наши мимолётны,
А расставанья – бесконечны,
Хранитель истин мой почётный
И равнодушный ангел встречи.

И если вдруг ещё случится
Нам пересечься в мире этом,
Я к Вам явлюсь осенней птицей,
Закатом бархатным согретой.

В кормушку будут падать листья,
А может, даже – крошки снега.
И шорох скроет тихий выстрел...
И станет бесконечным – небо...

ОСЕННИЙ ВОЛК

Ночь накрыла сад,
Подведя черту.
Ранний листопад –
Горечью во рту.

Мой осенний волк,
Душу мне не рви.
Да, не вышел толк,
Нет огня в крови.

Ветер был несмел,
Пошумел и смолк,
А вдали запел
Мой осенний волк.

Не вернётся стать,
И краса ушла,
На крыло не встать –
Нет давно крыла.

Мой незванный брат,
Мой заклятый друг,
Серый неформат,
Знак земных разлук.

Видно, осень, брат,
В вены льёт дожди.
От неё стократ
Ты чудес не жди.

Одинокий вой
В полнолуной мгле
Как пример живой
Бесприютной мне.

Ветер тронул клён,
Вой в ночи замолк.
Сквозь туман времён
Смотрит грустный волк.

ЗАБЕРИ МОЁ ИМЯ

Забери моё имя себе, унеси на губах,
Сохрани послевкусие нашей нечаянной встречи,
От осенней полынно-прогорклой печали избавь,
Посмотри, как на клёнах желтеет под вечер резьба,
И как Время играет минутами в «чёт или нечет».

Отвлекись от бесчисленных дел и вдохни облака,
Ощути вкус закатного неба в дизайне осеннем.
Если в запахе ветра почувствуешь горечь слегка,
Вдруг зайдётся отчаянно сердце, и дрогнет рука –
Это имя моё всё прощает и дарит спасенье.

Пусть не я, пусть хотя бы оно будет рядом с тобой,
Позволяя мне существовать в параллельных пространствах.
И немного теплее вдруг станет в квартире пустой,
Полночь стрелок коснется, и выйдут куранты на бой,
Оживив имена на губах зачарованным танцем.

ОСЕНЬ, ТЫ НЕ ПРАВА

Под бречанье гитары
Листьев слышится вздох,
Дворник пьяный и старый
В парке мусор поджёт.

И бурчаньем нескладным
Треск огня перекрыв,
Он в листочек тетрадный
Отсыпает махры.

Три аккорда – три жизни,
Самокрутка – взятяг...
С тротуаров отчизны
Листья хмуρο метя,

Дворник сплюнет беззлобно
И тихонько вздохнёт,
На пригорке на лобном
Осень спишет в расход.

На тетрадном листочке
Горько тлеют слова,
Оставляя лишь точки:
«Осень, ты не права...»

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ СТРЕЛКОВАЯ

Семнадцать дней. И каждый день – как жизнь.
Семнадцать раз встаёт и меркнет солнце.
Опять команды: «Воздух!» и «Ложись!»
Опять на ужин много лишних порций...

Совсем мальчишки, школьники вчера,
Сегодня – в бой, где смерть – без вариантов.
И плавит степь июльская жара,
И мнут пшеницу траки вражьих танков.

Красавец-Дон, что тих был, но силен,
Давно не слышал грохота такого.
Лишь рота, где вчера был батальон, –
Остатки от дивизии стрелковой.

А ветер их подхватит имена
В попытке тщетной – донести до дома.
И снова ощетинится страна
В излучине неистового Дона.

Семнадцать дней. Вселенной это – миг.
Семнадцать дней солдату – это вечность.
У матери до срока взгляд поник,
И давит груз невыносимый на плечи.

Запомни, степь, запомни их – таких!
Безусых, не успевших опериться...
Сложи о них, ушедших в небо, стих,
Подставь под дождь кровавые страницы.

Пусть капли крови прорастут весной,
Лазарево склоняясь под ветрами.
Семнадцать дней в излучине Донской.
Семнадцать дней... Мы помним, ветераны.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Мне, мама, вчера приснились
Наш бор и сестрица Клаша.
Мы, будто бы, у старицы
Папаше руками машем,
А он подплывает в лодке,
В корчаге чебак резвится...
Очнулся – в руке пилотка,
За балкой горланят фрицы.

А мне бы до наших сосен
Дотронуться хоть мизинцем...
Пройтись босиком по росам,
Студёной воды напиться...
Горбушку бы хлеба с солью,
Что вынула ты из печи...
Но раны тревожат болью,
А кто мне их здесь залечит?

Санбат разбомбили утром,
Сестрички – в соседней балке.
Нам в ночь – отступить на хутор.
Девчонок так, мама, жалко.
Они ведь совсем пичужки,
А вынесли здесь немало.
Прижались сейчас друг к дружке,
Головки склонив устало...

Смотрю я вокруг и верю:
За всё расквитаюсь с фрицем,
За павших друзей я зверя
Заставлю богам молиться.
Я выстою, я осилю,
Я жилы порву, но сдюжу.
Жила бы моя Россия,
Да был бы я, малый, нужен.

ВРЕМЯ ПРИЗНАТЬ

Время молиться и время – молить,
Время прощаться и время – прощать...
Рвётся отчаянно-тонкая нить,
Камень вдогонку пускает праща.

Время забыться и время – забыть,
К людям спускаться, обиды спускать...
Только невнятны в потёмках мольбы,
Но оглушительна ясность курка.

И – возноситься, но всё ж – возносить,
Вновь возвращаться, опять – возвращать...
В городе воздух с утра моросист,
И не спасают объятья плаща.

А под плащом – вдохновен и двукрыл,
Хмарь пробивая, слепит белизна...
Время укрыться и Землю укрыть.
Время – признаться. И Время – признать.